

— Список на завтра —

КРАСНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

I

Михаил Соловьёв

Список на завтра

Михаил Соловьев

**Список на завтра.
Красное уведомление**

«Автор»

2026

Соловьев М.

Список на завтра. Красное уведомление / М. Соловьев —
«Автор», 2026 — (Список на завтра)

Каждый вечер «Прогноз» присылает запреты на завтра. Не садиться в метро. Не открывать дверь. Не встречаться с определённым человеком. Люди ненавидят эти уведомления — и подчиняются. Система спасает жизни. Илья Нестеров знает, как убедить человека подчиниться. Это его работа. Но однажды запрет получает весь город: не приближаться к Илье Нестерову. Система утверждает: из-за него погибнут 142 человека. Чтобы предотвратить катастрофу, он должен умереть до полуночи. Теперь камеры выдают каждый его шаг, коллеги ведут на него охоту, а любой, кто решится помочь, рискует попасть под удар. Когда исчезает его сестра, Илья понимает: времени искать безопасный выход больше нет. Но в списке будущих жертв он находит имена людей, умерших три года назад. Теперь Илье нужно выяснить, почему они снова должны погибнуть — и успеть добраться до сестры раньше тех, кто получил приказ его остановить.

© Соловьев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Красный человек	5
Глава 2. Одиннадцать минут	8
Глава 3. Точка ноль	12
Глава 4. До полуночи	15
Глава 5. Фургон без маршрута	18
Глава 6. Комната ноль-Б	21
Глава 7. Старый двор	24
Глава 8. Опекун	27
Глава 9. Живой человек	30
Глава 10. Чужая подпись	33
Глава 11. Безопасный маршрут	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Соловьев

Список на завтра. Красное уведомление

Глава 1. Красный человек

В восемь утра Илья Нестеров узнал, что сегодня из-за него погибнут сто сорок два человека.

Он стоял в очереди за кофе. Автомат долго думал над его заказом, за спиной спорили о погоде, а сестра в телефоне спрашивала, придёт ли он вечером чинить полку. Илья успел набрать «постараюсь». Отправить не успел.

Телефон дёрнулся в ладони. Почти одновременно зазвонили другие телефоны. Над лифтами погасла реклама страхования, и на большом экране появилось его лицо.

Снимок сделали только что: Илья смотрел вниз, придерживая под мышкой папку, пустой стакан торчал из кармана куртки. Под фотографией загорелась красная надпись:

НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ.

Нестеров Илья Андреевич.

Прогнозируемые потери при неконтролируемом контакте: 142 человека.

Мужчина впереди первым обернулся. Посмотрел на экран, потом на Илью и вышел из очереди, не забрав стакан. Следом отступила девушка в жёлтой шапке. Курьер с коробкой цветов попятился и налетел на колонну. Через несколько секунд вокруг Ильи осталось пустое место — маленький круг, из которого ещё можно было выйти.

Он знал, что будет, если выйти.

Красный статус означал непосредственную угрозу жизни. До прибытия группы реагирования человек должен был оставаться на месте. Любое перемещение система учитывала как дополнительный риск, а отказ подчиниться давал группе право на силовое задержание. Илья сам объяснял это людям. Обычно мягко. Иногда устало, особенно когда они начинали кричать, что никого не собирались убивать.

Теперь он понял, зачем они кричали.

— Молодой человек, вы кофе брать будете?

Женщина справа от него держала стакан с кипятком. Отойти ей мешали колонна и тележка уборщицы. Она посмотрела на фотографию и снова на Илью, словно надеялась, что на экране всё-таки кто-то похожий.

— Нет, — сказал он. — Отойдите, пожалуйста.

— Куда?

Илья переставил тележку. Женщина проскользнула в образовавшийся проход, осторожно, чтобы не плеснуть на него горячей водой. Это обычное движение — чужой локоть над его рукой, запах дешёвого крема — едва не заставило его потерять выдержку.

Он открыл уведомление.

ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТЕ ДО ПРИБЫТИЯ ГРУППЫ РЕАГИРОВАНИЯ.

Таймер показывал четырнадцать минут пятьдесят восемь секунд.

Ниже должно было быть основание. Номер расчёта, событие, безопасный порядок действий. Без этого красное предписание считалось неполным, и сотрудник Управления гражданских рисков обязан был запросить уточнение.

Вместо основания стоял серый прямоугольник.

Илья нажал на него. Ничего. Обновил страницу. В верхней строке значилось: «Основание предоставлено».

— Илья Андреевич, вы только спокойно, ладно?

Охранник Виктор держал руку на поясе. Они здоровались почти каждое утро. Неделю назад Виктор показывал ему фотографии внука и просил узнать, почему тому трижды отменили школьную экскурсию. Илья обещал посмотреть. Не посмотрел.

— Я спокоен. Вызови дежурного.

— Уже вызвал.

— И двери не закрывай.

Виктор оглянулся на пост.

— Это не я решаю.

Илья знал. Пять лет назад, когда «Прогноз» только вводили, закрывать двери мог человек. Потом задержка оператора стала одной из причин неуспешного предотвращения происшествий. Теперь система закрывала сама, а оператор мог объяснить людям, почему так безопаснее.

Из лифта вышел майор Рудин.

Без группы, без оружия в руке. Шёл размеренно, застёгивая манжету серого пиджака. Илья ухватился за его появление, как за поручень в резко затормозившем автобусе. Они работали вместе восемь лет. Рудин не любил лишних вопросов, зато никогда не прятался за подчинёнными, когда приходилось решать неприятное.

— Ты получил? — спросил майор.

— Посмотри наверх.

— Я вижу. Оставайся здесь.

— Где расчёт?

Рудин протянул ладонь, требуя телефон. Илья отдал. Майор дважды нажал на серое поле и вернул аппарат.

— Проверят.

— Кто?

— Группа.

— По инструкции я имею право знать основание до задержания.

— Ты не клиент, Илья.

От этого стало хуже.

Илья посмотрел ему в лицо. Рудин перевёл взгляд на женщину с кипятком и громко попросил всех отойти к стенам. Кто-то начал снимать. Кто-то, наоборот, спрятал телефон, словно красный цвет мог перекинуться через камеру.

— Ты видел расчёт? — тихо спросил Илья.

Рудин не ответил.

У Ильи зазвонила сестра. На экране появилась её фотография: Алиса на даче, в старом свитере, держит перед собой противень с пирогом и возмущается, что её снимают. Он провёл пальцем по кнопке ответа.

Вызов исчез.

ВНЕШНЯЯ СВЯЗЬ ОГРАНИЧЕНА.

Он попробовал набрать сам. Телефон не позволил даже открыть контакт.

Сестра увидела предупреждение. Сейчас она, скорее всего, сидела на краю кровати и смотрела на его фотографию. Вчера они поругались из-за пустяка: Илья снова напомнил ей про таблетки. Алиса сказала, что прекрасно помнит сама. Он ответил, что напоминание ещё никому не повредило. Она положила трубку.

Его последним словом ей было «напоминание».

— Дай позвонить, — попросил он Рудина.

— Позже.

— Одну минуту.

— Нельзя.

Илья едва удержался, чтобы не схватить майора за рукав. Он уже видел, как это опишут: красный объект вступил в неконтролируемый контакт с сотрудником. Вот так, из нескольких совершенно понятных движений, и получалось основание, которого пока не существовало.

Люди у главного выхода зашевелились. Курьер с цветами поднял руку, приглашая остальных за собой. Толпа пошла к дверям — медленно, ещё надеясь уйти без разрешения.

Замки щёлкнули одновременно.

Курьер толкнул створку плечом. Стекло дрогнуло, но не поддалось. Женщина вскрикнула: кипяток выплеснулся на её пальцы. Виктор бросился к панели на посту.

— Открой! — сказал Илья.

— Не могу.

На экране над лифтами его лицо сменилось новой строкой:

ПРОГНОЗ УТОЧНЁН.

ПЕРВЫЕ ПОТЕРИ ОЖИДАЮТСЯ ЧЕРЕЗ 11 МИНУТ.

МЕСТО СОБЫТИЯ: УПРАВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ РИСКОВ, ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

В холле стало тихо.

Илья медленно повернулся. Люди смотрели на него уже иначе. Пока на экране было абстрактное число, они боялись человека, который стоял рядом. Теперь каждый примерял это число на себя.

Маленькая девочка у лифта потянула отца за куртку.

— Мы домой?

Отец не ответил. Он заслонил её собой.

— Здесь сорок человек, — сказал Илья Рудину. — Открой двери.

— Выход перекрыт по протоколу изоляции.

— Изоляции кого? Их закрыли со мной!

Рудин посмотрел на планшет. На мгновение выражение его лица изменилось.

Илья выхватил из этого взгляда больше, чем из любой служебной справки.

— Что там?

— Граждане выведены из зоны контакта.

Между ними по полу растекался кипяток. Курьер снова ударил в стекло. Девочка заплакала.

Рудин пошёл к посту охраны, прижимая телефон к уху. Илья остался возле автомата. От него требовали ничего не делать ещё одиннадцать минут. Потом, если верить расчёту, кто-то умрёт.

Служебная дверь за кофейной зоной тихо щёлкнула.

Илья знал этот проход. Через него носили коробки и вывозили мусор. За дверью начинался технический коридор, дальше — лифтовой узел и хозяйственная лестница. Вчера считыватель не работал, и дверь подпирали огнетушителем.

Теперь на чёрной панели зажёгся зелёный свет.

ПРОХОД РАЗРЕШЁН.

Илья посмотрел на свой пропуск. Карта оставалась в кармане.

— Нестеров! — окликнул его Виктор.

Он уже взялся за ручку.

За спиной плакала девочка. Рудин требовал соединить его с дежурным оператором. Женщина с ошпаренной рукой прижимала к пальцам шарф.

Илья толкнул дверь.

Если система ошиблась насчёт сорока человек, она могла ошибаться и насчёт одного.

Глава 2. Одиннадцать минут

Дверь за спиной закрылась, отрезав шум холла. Илья оказался в коридоре с низким потолком и трубами вдоль стены. Пахло тёплой пылью и краской. На полу лежала полоска света от аварийной лампы; дальше, за поворотом, кто-то разговаривал.

Он попробовал открыть дверь обратно. Замок не поддался.

Телефон зазвонил.

Валерия Котова.

Илья несколько секунд смотрел на имя. Они не разговаривали почти полгода. Последний раз Лера попросила его подтвердить подлинность двух служебных документов, и он сказал, что не может. Она спросила: «Не можешь или не хочешь?» Он ответил не сразу. Этого оказалось достаточно.

— Если ты за комментарием, — сказал он, — сейчас неудобно.

— Посмотри вверх.

— Лера...

— Над правым плечом. Камера.

Он поднял голову. Из потолочного короба торчал старый корпус с мутным стеклом и проводом в гофре. Такие камеры должны были убрать при модернизации. Объектив медленно повернулся к нему.

— Откуда у тебя картинка?

— Из ссылки, которую ты прислал.

— Я тебе ничего не присылал.

— В семь пятьдесят восемь. За две минуты до красного предупреждения.

В телефоне возник снимок переписки. Его имя, его фотография, короткое сообщение:

«Когда меня объявят красным, не верь первому списку».

Ниже — ссылка.

Илья прислонился к стене. Труба задела плечо, горячая даже через куртку. Он вспомнил утро: душ, вчерашний хлеб, потерянный ключ от машины, сообщение Алисы. В семь пятьдесят восемь он стоял перед турникетом и искал пропуск. Ничего не отправлял.

— Кто-то вошёл в мой аккаунт.

— Я подумала так же. Поэтому позвонила в Управление. Там сказали, что ты на месте и с тобой всё в порядке. Через минуту появился экран.

— Как ты дозвонилась сейчас? Связь закрыта.

— Через ту же ссылку. Здесь есть кнопка вызова.

Она говорила быстро, но без паники. Илья помнил этот голос: так Лера разговаривала, когда материал переставал быть работой и становился чьей-то бедой. Он когда-то любил в ней это упрямство. Потом оно начало мешать ему жить.

Он открыл журнал исходящих. Сообщения Лере не было. Проверил удалённые — пусто.

— Сохрани всё, — сказал он.

— Уже. Где ты?

— Технический коридор. Меня сюда пустили.

— Кто?

Илья посмотрел на закрытую дверь.

— Хороший вопрос.

За поворотом хлопнул металл. Он убрал телефон от уха, прислушался.

— ...до запуска четыре минуты.

— Он уже здесь?

— Маршрут держится.

Илья отступил в нишу между трубами. Сердце стучало так, что он боялся не расслышать следующие слова. Но голоса затихли.

— Ты что-то слышишь? — спросила Лера.

— Людей. Возле лифта.

— Не подходи пока. Мне вместе со ссылкой пришёл файл.

На экране появился список. Сто сорок две строки, серый фон старого интерфейса. У каждой фамилии — номер, статус и пустое поле для примечаний.

Первые пятнадцать строк были отмечены зелёным.

Илья увеличил первую.

Савельев Павел Аркадьевич.

Имя было знакомым. Не по лицу, не по голосу — по документу, который он однажды видел и постарался забыть.

— Проверь его, — сказала Лера.

— Зачем?

— Просто проверь.

Служебный доступ ещё работал. Илья ввёл фамилию, дождался карточки.

ГРАЖДАНСКАЯ ЗАПИСЬ ЗАКРЫТА.

Дата: 17.04.2023.

Он перешёл ко второй строке. Кудрина Мария Сергеевна. Та же отметка и та же дата. Третья — Лебедев Антон Игоревич. Четвёртая...

— Хватит, — сказала Лера. — Все пятнадцать.

— Закрытая запись не обязательно смерть.

— Я знаю. Поэтому и не говорю «мёртвые». Но по городскому реестру они три года нигде не живут, не работают, не пользуются транспортом. А сегодня ты должен их убить.

Илья провёл пальцем по дате.

Семнадцатого апреля три года назад ему позвонили из больницы. Он тогда ещё не успел переодеться после смены. Поехал прямо в форме. В приёмном покое ему дали три листа и сказали, что без подписи лечение продолжить нельзя.

Он помнил, как неудобно было писать стоя.

Всё остальное старался не вспоминать.

— Илья?

— Я здесь.

— Ты знаешь эту дату?

Он мог солгать. Ответ уже стоял на языке, привычный и короткий. Но над лифтами сейчас висела его фотография, а за дверью ждали сорок человек. Служебная осторожность больше никого не защищала.

— В этот день Алису перевели в экспериментальное отделение.

Лера молчала несколько секунд.

— Ты говорил, это была реабилитация.

— Мне так сказали.

— А ей?

Он не ответил.

Из-за поворота донёсся скрежет. Илья присел и осторожно выглянул. Решётка лифтового узла была открыта. На полу лежали две половинки разрезанной пломбы. Внутри, возле распределительного шкафа, стояли мужчина в аварийном комбинезоне и женщина с жёлтым кабелем в руках.

Мужчина посмотрел на часы.

— Три сорок.

Илья отступил обратно.

— Здесь что-то готовят.

— Я вижу только коридор. Камера дальше не берёт.

У стены стоял терминал аварийной службы. Илья открыл план первого этажа. Главные двери — красные. Служебная лестница — красная. Боковой выход отмечен зелёной стрелкой: безопасный путь эвакуации.

Над схемой мигало сообщение о готовящемся сбросе лифта.

Если срабатывал аварийный сброс, автоматика освобождала кабину и включала пожарный режим здания. Людей в холле направляли к боковому выходу. Именно туда, куда сейчас указывала зелёная стрелка.

Илья увеличил внешнюю часть плана.

За дверью не было ничего. Серая полоса, край карты. Внутренняя система считала человека спасённым, как только он покидал здание.

— Лера, что у нас возле бокового выхода?

— Ты серьёзно? Ты там работаешь.

— Открой дорожную карту. Сейчас.

Она выругалась вполголоса. Потом на экране появилась улица: хозяйственный выезд, узкий тротуар и полоса транспорта. Вдоль забора двигался школьный автобус. Из-за ремонта его маршрут перенесли ближе к зданию.

Время подхода — три минуты двадцать секунд.

— Они столкнут людей с автобусом, — сказал Илья.

— Что?

— Когда включится пожарный режим, двери откроются. Все побегут туда. Водитель не увидит их за стеной.

Он вспомнил, как сам месяц назад согласовал эту схему. Не весь документ — только свой раздел, безопасный выход из здания. Дорожная часть относилась к другому управлению. На совещании он даже сказал, что нельзя отвечать за то, что не входит в компетенцию отдела.

Сейчас отделы сошлись в одной точке.

— Позвони водителю, — сказал он.

— У меня нет номера.

— В диспетчерскую.

— Пробую.

Илья отправил Рудину схему. Сообщение получило отметку «не доставлено». Тогда он ударил кулаком по закрытой двери коридора.

— Рудин!

Никто не ответил.

Он вернулся к терминалу и запросил отмену пожарной эвакуации. Отказ: решение центрального контура. Запросил остановку автобуса. Отказ: объект вне полномочий пользователя.

Внизу экрана появилась подсказка: «Оставайтесь на месте. Сотрудники помогут вам».

Илья посмотрел на открытый лифтовой узел.

— Меня перевели на ожидание, — сказала Лера. — Музыка играет. Илья, не лезь туда один.

— У меня нет второго.

— Рудин?

— За дверью.

— Тогда разбей стекло. Подними шум. Что угодно.

За решёткой женщина присела возле нижнего блока, а мужчина подключил терминал. На его экране побежали цифры обратного отсчёта.

Илья убрал телефон в нагрудный карман, оставив связь включённой.

Он не умел обезвреживать взрывчатку. Не был оперативником. Последний раз дрался во дворе школы, и то неудачно. Но этот шкаф он видел на планах, и в нижней части у него должен был быть ручной контур отмены.

Илья вошёл в лифтовой узел.

— Отойдите от оборудования.

Мужчина поднял голову и посмотрел на него так, будто ждал именно этой фразы.

— Вы опоздали, Нестеров.

Глава 3. Точка ноль

На блоке аварийного сброса стоял короткий металлический цилиндр с красной маркировкой.

Илья остановился в двух шагах от шкафа. Он знал, что означает маркировка, но не знал, насколько близко можно подходить. На учебном стенде такие устройства показывали за стеклом. Инструктор объяснял, что исправная автоматика исключает опасность для персонала.

Сейчас шкаф был открыт, а сорванная крышка лежала у стены.

— Назовите подразделение, — сказал Илья.

Мужчина оказался старше, чем показалось из коридора: седые виски, короткая борода, морщины вокруг светлых глаз. Ни на комбинезоне, ни на каске номера не было.

— Отойдите от оборудования, — повторил он голосом Ильи.

Женщина возле кабеля даже не улыбнулась.

Илья достал телефон и открыл локальную карточку узла. Она сообщала, что устройство аварийного сброса не установлено. Последняя проверка — ночью. После неё шкаф никто не открывал.

Он поднял камеру, чтобы снять цилиндр.

Женщина ударила его плечом.

Телефон вылетел из руки, скользнул под стену. Илья споткнулся о кабель и ударился рёбрами о край шкафа. Воздух исчез из груди. Несколько секунд он мог только открывать рот, не в силах ни вдохнуть, ни крикнуть.

Мужчина шагнул к нему, собираясь оттащить от панели. Илья схватился за его рукав. Они столкнулись, потеряли равновесие и рухнули на пол. Каска покатилась к решётке.

Где-то рядом кричала Лера.

Илья выставил локоть, попытался подняться. Мужчина потянул его обратно. Тогда Илья ударил его лбом в лицо — неловко, почти случайно. Самого обожгло болью над глазом. Чужая рука разжалась.

Он поднялся на колени.

На экране терминала оставалось сорок девять секунд.

— Там люди, — выговорил он.

Женщина замерла возле шкафа. У неё дрожали губы, но голос был ровный:

— Здесь всегда люди.

Она сказала это без злости. От такой будничности Илью затошнило.

Он рванулся к нижней панели. Мужчина схватил его за штанину, но Илья выдернул ногу. Внутри шкафа было три одинаковых переключателя. Подписей не осталось. На снятой крышке темнели следы от наклеек.

— Нижний ряд! — кричала Лера из телефона. — Я открыла старый план!

— Какой?

— Не вижу номера. Поверни камеру!

Илья оглянулся. Телефон лежал у стены экраном вверх. Стекло было разбито. Чтобы добраться до него, требовалось отойти от шкафа.

Двадцать семь секунд.

Он нажал на терминале кнопку справки. Вместо схемы появилось сообщение: «Маркировка доступна на панели».

Женщина дотянулась до жёлтого кабеля.

— Не трогай, — сказал Илья.

Она посмотрела на мужчину. Тот сидел на полу и прижимал ладонь к разбитому носу.

— Оставь, — сказал он ей. — Пусть выбирает.

Илья понял, что его не будут останавливать. От этого стало страшнее, чем во время драки.

Он посмотрел на переключатели. Под первым уходил тонкий провод, под третьим — пучок с заводской пломбой. Средний соединялся с отдельным старым блоком. Ручной контур делали независимым от основной автоматики; это он помнил по занятиям.

Мог помнить неправильно.

Семнадцать секунд.

Он нажал средний.

Терминал погас и включился снова. На белом экране появилась красная строка:
ОТМЕНА ВМЕШАТЕЛЬСТВА ПРИВЕДЁТ К ГИБЕЛИ КРАСНОГО ОБЪЕКТА.

ПОДТВЕРДИТЬ?

Илья смотрел на слова, пока они не обрели смысл.

Ему предлагали обменять себя на людей в холле.

Он подумал об Алисе. Не о трёх годах лечения, не о ссорах и не о том, что она останется одна. О полке над кухонным столом. Она купила её сама, прикрутила один край, второй держался на честном слове. Он обещал приехать в прошлую субботу и не приехал. Теперь над её головой так и будет висеть кривая полка.

— Что там? — спросила Лера.

Он не ответил.

— Нестеров, что ты видишь?

Шесть секунд.

Мужчина на полу коротко засмеялся.

— Вот теперь как всех учил.

Илья нажал подтверждение.

Удар пришёл сверху.

Шкаф ослепительно вспыхнул. Его отбросило к стене. Он успел прикрыть лицо, а потом оказался на полу и долго не понимал, почему слышит воду. Только позже разобрал, что это звенит в ушах.

Возле головы лежал кусок чёрного пластика. Он смотрел на него, пытаясь вспомнить, как называется предмет. Пластик. Да. Это слово вернуло остальные.

Илья жив.

Он пошевелил пальцами. Вдохнул. В боку словно повернули тупой нож.

— Илья!

Лера кричала из телефона. Он потянулся к аппарату, не смог и пополз, подгребая здоровой рукой. Экран оказался под ладонью.

— Я здесь.

— Где?

— На полу.

— Говори со мной.

— Очень больно.

— Это хорошо. То есть плохо. Просто говори.

Он попытался засмеяться и закашлялся.

Из холла донёсся шум. Открылись двери, люди заговорили разом. За стеной протяжно сигналил автобус. Он прошёл мимо бокового выхода, и никто не выбежал ему под колёса.

Илья закрыл глаза.

В лифтовом узле пахло горелой изоляцией. Женщина сидела у решётки, прижав руку к животу. Мужчина исчез. Илья не заметил, когда тот поднялся и ушёл.

Телефон под ладонью завибрировал.

ПЕРВЫЕ ПОТЕРИ ПРЕДОТВРАЩЕНЫ.

Он перечитал дважды.

— Получилось, — сказал он.

Лера выдохнула так громко, что звук пробился даже через испорченный динамик.

— Рудин идёт. Я дозвонилась на пост. Не двигайся.

Илья хотел ответить, но появился следующий экран.

СПИСОК БУДУЩИХ ПОТЕРЬ ОБНОВЛЁН.

Причина пересчёта: Нестеров И. А. сохранил жизнь.

Он сел, опираясь о стену.

Только что его смерть считалась условием спасения. Теперь выживание стало основанием для нового списка. Будто он нарушил договор, которого не заключал.

Под номером семнадцать стояла Алиса.

Нестерова Алиса Андреевна. Двадцать четыре года. Адрес совпадал. Фотографию взяли из новой паспортной карточки, которую она оформляла сама, без него.

— Лера.

— Что?

Он не смог произнести имя сестры.

Внизу списка открылось ещё одно сообщение. Без номера расчёта, без подписи ответственного сотрудника. Всего одна фраза:

«Если хотите спасти 142 человека, умрите до полуночи».

Илья долго смотрел на неё.

За решёткой появились ботинки Рудина. Майор присел рядом, взял его за плечо, что-то спросил. Илья протянул телефон.

Рудин прочитал.

— Ты подтвердил?

— Нет.

— Ничего не нажимай.

— Они заберут Алису.

— Сначала посмотрим, где она.

— Позвони ей.

Майор достал свой телефон. Набрал номер, подождал, набрал ещё раз. Илья смотрел ему в лицо и заранее знал, каким будет ответ.

Рудин открыл городскую карточку.

— Дома. Браслет на месте.

— Позвони в дверь.

— Илья, тебе нужен врач.

— В дверь, Рудин.

Майор подключился к камере прихожей. Илья сам устанавливал её после выписки Алисы. Она возражала; он убедил, что так спокойнее. Теперь камера показывала пустой коридор, ботинки возле коврика и батарею под окном.

На батарее лежал раскрытый браслет.

Илья увидел белый ремешок, мокрую варежку под контактной пластиной и маленькую зелёную лампочку. Система считала сестру живой и здоровой, потому что тёплый металл имитировал её руку.

Алисы в квартире не было.

Глава 4. До полуночи

— Она могла выйти сама, — сказал Рудин.

Илья увеличил изображение прихожей. Под батареей лежал один ботинок Алисы. Второго в кадре не было. На крючке висела куртка, в которой она ходила последние две недели, а на полу темнели следы от чужих подошв.

— Босиком? Без телефона?

Майор отнял у него планшет, но запись не закрыл.

С лестницы спустились двое. Один нёс медицинский чемоданчик, другой — прозрачный пакет для изъятых имуществ. Парень с пакетом сразу потянулся к разбитому телефону. Илья прижал его к животу и согнулся от боли.

— Доказательство, — объяснил парень.

— Там моя сестра.

— Нестеров, передайте устройство.

Рудин поднял ладонь.

— Потом. Сначала голова.

Медик присел на корточки. У него были совсем молодые глаза и двухдневная щетина. Поднеся сканер к лицу Ильи, он замер: на приборе загорелось ограничение контакта.

— У меня нет допуска к красному.

— К брови есть?

Медик не улыбнулся.

— Любое вмешательство нужно согласовать.

За решёткой всё ещё шипело повреждённое оборудование. Пахло горелой изоляцией. Илью вдруг затошнило от этого запаха, от чужого спокойного голоса, от того, что человек рядом ждал разрешения приложить салфетку к его лицу. Он и сам так говорил: сперва согласовать, потом действовать. Человек сердится, потому что не понимает процедуры. Объясните ещё раз, не повышая голоса.

— Дайте сюда, — сказал он.

Медик молча раскрыл пакет. Пока Илья прижимал салфетку к брови, Рудин развернул свой планшет так, чтобы парень с прозрачным пакетом не видел экрана.

Красное предписание на телефоне Ильи оставалось на месте. В центральном реестре его не было.

— Это могло прийти через вредоносное приложение, — сказал майор.

— И приложение устроило взрыв?

— Взрыв пока ни с чем не связан.

— Ты же видел.

— Я видел повреждённый подъёмник и тебя на полу. Всё остальное придётся доказать.

Илья хотел ответить, но Рудин ткнул пальцем в нижнюю строку карточки.

— Смотри сюда.

Под пустым полем подтверждения возникла отметка: «Принято к исполнению. 08:14». Илья не нажимал кнопку. Она была целой, в стороне от трещины, и сенсор там работал: он только что увеличивал изображение Алисы.

Рудин снял экран своим планшетом. Потом ладонь Ильи с окровавленной салфеткой. Потом снова экран, уже крупно.

— Вслух. Ты принимал предписание?

— Нет.

— Требование причинить себе вред получал от сотрудников Управления?

— От телефона получил.

— Не шути.

— Я не шучу, Рудин.

Майор остановил запись.

— И выполнять ничего не будешь. Это требование не имеет никакой силы. Понял?

Илья кивнул, хотя понял другое: Рудин тоже испугался. Не за него — ещё нет. За собственное место в истории, которая не помещалась в отчёт.

Наверху хлопнула дверь. Кто-то потребовал вывести задержанного. Майор ответил, что нужна первичная помощь, и голос его сразу стал обычным: скучным, служебным, не допускающим возражений.

Медик наконец закрепил повязку. На вопрос о боли при вдохе Илья соврал: терпимо. Ему предложили подождать бригаду; он поднялся сам, ухватившись за край шкафа. В глазах поплыло. Рудин поддержал его за локоть и тут же отпустил.

— Ты сейчас никуда не побежишь.

— Тогда поезжай к ней.

— Наряд уже направлен.

— Посмотри, по какому адресу.

Майор нахмурился, открыл поручение. Дом был правильный. Квартира — тоже. Задание называлось «Контроль домашнего режима». В примечании стояло: «Личный контакт не требуется. Состояние подтверждается носимым устройством».

— Они увидят зелёный браслет и уедут, — сказал Илья.

Рудин изменил поручение вручную. Когда он попытался отправить его повторно, система потребовала выбрать основание для входа в жилое помещение.

— Возможное похищение, — подсказал Илья.

— Я умею писать.

На следующем экране появилось время исполнения: 09:30.

Майор выругался так тихо, что молодой медик сделал вид, будто не расслышал.

Телефон Ильи дрогнул. Лера прислала кадр с дворовой камеры. Бок серого фургона, открытая дверь и девушка, которую за плечи вёл мужчина в тёмной куртке. Лицо скрывали волосы. Но серый шарф Илья узнал: купил его сестре на день рождения и обиделся, когда она сказала, что похож на полотенце.

Она носила этот шарф всю зиму.

— Восемь семнадцать, — сказала Лера. — Камера отстаёт на четыре минуты, я сверила по автобусу. Это сейчас.

— Можешь проследить?

— Пытаюсь. У редакции доступ только к открытым камерам. Не ко всему городу, Илья.

Он показал кадр Рудину. Майор посмотрел на Алису дольше, чем требовалось для опознания, и отвернулся к стене.

— Знаешь машину?

— Такие были у медицинского обеспечения.

— Были?

— Три года назад.

Слова повисли между ними. Илья вспомнил коридор без окон, жёлтую лампу над столом и женщину в белом халате, которая положила перед ним планшет. Алиса тогда лежала за стеклом. Ему сказали: решение нужно сейчас. Он решил и потом три года старался не возвращаться к этому дню.

Рудин убрал планшет в карман.

— Через главный вход тебя не выпустят.

— Через какой выпустят?

Майор посмотрел на дверь в конце технического коридора. На ней висела выцветшая табличка хозяйственной службы. Илья знал, что за дверью старый переход к архивному крылу; проверяя здание, он видел его на плане. Переход считался замурованным.

— На той стороне есть связь со двором, — сказал Рудин. — Дойдешь до поста и остановишься. Я дам людям наверху другой маршрут, потом догоню.

— Ты меня отпускаешь?

— Ты идёшь со мной. Просто я задержался.

Он положил карту на шкаф, рядом с использованной салфеткой, и придвинул её к Илье. Илья взял карту.

— Если там Алиса...

— Сначала убедись, что это она. Ничего не подписывай и не принимай. Особенно от её имени.

Рудин произнёс последнее слишком быстро.

Илья хотел спросить, откуда он знает про подписи, но наверху снова позвали майора. Тот уже шёл к лестнице, не оглядываясь.

Считыватель хозяйственной двери мигнул зелёным. Замок открылся.

Лера оставалась на линии.

— Что ты делаешь?

— Иду искать сестру.

— Тогда не отключай телефон. Даже если я молчу.

За дверью было темно. Илья включил фонарик и шагнул в узкий проход.

Глава 5. Фургон без маршрута

Илья прошёл метров двадцать и остановился, прислонившись к холодной стене. Под повязкой стучало. Каждый шаг отдавался в правом боку, а во рту стоял неприятный металлический привкус. Он достал телефон, чтобы проверить, сохранилась ли фотография сестры, и увидел ещё три сообщения от Леры.

Фургон выехал из двора. Повернул к набережной. Исчез между двумя камерами.

На последнем кадре хорошо различался задний фонарь, заклеенный прозрачной лентой. Обычная старая машина. Без медицинской полосы, без маячка, без рекламного телефона на борту. Тысячи таких ежедневно возили по городу мебель, продукты, инструменты. Илья никогда не смотрел на них.

— Я отправила номер Рудину, — сказала Лера. — То, что смогла разобрать.

— Откуда у тебя его контакт?

— Я журналист. Иногда это полезно.

Связь пропала, вернулась с щелчком. Лера выдохнула прямо в микрофон.

— Скажи честно: тебе нужна помощь или человек, которому можно приказывать?

— Помощь.

— Тогда перестань каждые двадцать секунд говорить «быстрее». Я не прячу от тебя сестру.

Илья закрыл глаза.

— Прости.

Она помолчала.

— Принято. Теперь слушай. У твоего дома камера пишет на местный накопитель. Прямую трансляцию мы видим, архив — нет. Нужен кто-то из жильцов.

— Там Анна Борисовна на первом этаже. Она старшая по подъезду.

— Номер?

Он нашёл контакт. Раньше соседка звонила ему из-за протечки, незнакомых курьеров и однажды из-за кошки, которую система двора записала в перечень потенциальных переносчиков. Илья отмахивался: у меня нет полномочий. Сейчас он послал Лере номер и вдруг вспомнил, как Анна Борисовна несла Алисе суп после выписки, а он сказал ей у двери, что посещения пока не рекомендованы.

Через минуту Лера подключила её к разговору.

— Илюша? Господи, это правда? У нас всем пришлось, я хотела...

— С Алисой беда. Вы видели, кто к ней приходил?

— Мужчина. С утра. Я думала, от вас.

— Почему от меня?

— Она его впустила. Я через глазок видела. Он что-то показал, и она сразу дверь открыла.

Лера мягко попросила соседку не удалять запись и никуда её не пересылать, пока они не скопируют оригинал. Анна Борисовна всё время повторяла, что ни во что не вмешивалась. От этого повторения Илье становилось холоднее.

— Вы ей помогаете сейчас, — сказал он. — Спасибо.

Когда соседка отключилась, Лера спросила:

— Алиса ждала кого-нибудь?

— Не знаю.

— Ты разговаривал с ней сегодня?

Он посмотрел на неотправленное «постараюсь» в переписке. Под сообщением про полку Алиса добавила: «Не начинай только про нормального мастера. Я тебя увидеть хочу».

Илья этого не заметил.

— Нет, — сказал он.

В проходе пахло сыростью. Луч фонарика выхватывал неровные стыки плитки, забытое ведро, чёрный кабель вдоль потолка. Наверху продолжалось обычное утро Управления: проходили проверки, открывались кабинеты, люди подписывали документы. От мысли, что там кто-то спокойно размешивает сахар в кофе, Илья испытал почти ненависть. Ещё полчаса назад он сам стоял у автомата.

Архив подъезда пришёл несколькими короткими файлами. Лера смотрела их первой и называла время, чтобы они не теряли секунды.

В 07:42 мужчина в тёмной куртке вошёл через нижнюю дверь. Он не позвонил в домофон. Камера лестницы поймала его сбоку: худой, сутулый, левая рука без перчатки. В 07:46 он стоял перед квартирой Алисы и показывал что-то на экране небольшого прибора. Алиса заговорила с ним. Звука не было. Потом отступила, пропуская внутрь.

В 08:06 в подъезд вошли двое других. Белая сумка, одинаковые короткие куртки. Один поднял голову к камере и закрыл лицо ладонью.

Первый мужчина из квартиры не вышел. По крайней мере, на записи лестницы его больше не было.

— Значит, не он её увёл, — сказал Илья.

— Или ждал этих двоих.

— Она их знала?

— Илья, по этому не понять.

Он пересмотрел момент у двери. Алиса стояла босиком, в домашней футболке. На лице не было страха. Скорее недоверие, которое через секунду сменялось узнаванием. Мужчина протянул к ней левую руку, показывая запястье.

На коже темнело круглое пятно.

Илья приблизил изображение, но оно рассыпалось на квадраты.

— Такой след был у Алисы, — сказал он. — После больницы. На внутренней стороне руки.

— От чего?

— Датчик. В старом отделении ставили под пластырь на несколько суток. У неё потом долго не проходило раздражение.

— В списке пятнадцать закрытых профилей. Кто-то из них мог быть пациентом вместе с ней.

— Профиль закрыт — не значит умер.

— Вот именно. Я пока не нашла ни одного свидетельства о смерти. Только статус.

Илья снова открыл первые строки: Савельев Павел Аркадьевич. Кудрина Мария Сергеевна. Лебедев Антон Игоревич. Остальные имена он не помнил. Три года назад ему дали ознакомиться с итоговым отчётом, и он читал только ту часть, где было про Алису.

Рядом с первой фамилией стояла дата 17.04.2023.

Мужчина на лестнице мог оказаться Савельевым. А мог не иметь к нему никакого отношения. Илья поймал себя на желании немедленно назначить виноватого: как только появится лицо, станет понятнее, что делать. Он заставил себя закрыть фотографию.

— Сохрани оригинал, — сказал он. — Не улучшенный кадр. Всё целиком.

— Уже.

Из-за поворота донёсся глухой металлический удар. Илья убрал телефон к груди, прикрыв свет ладонью. Шаги? Он подождал. Звук не повторился.

На полу перед развилкой лежал мокрый отпечаток подошвы. Следы уходили вправо, к хозяйственному двору. Слева висела бумажная стрелка «АРХИВ». Илья присел, переждал боль и направил фонарик вдоль правого прохода. Вдалеке под дверью пробивался жёлтый свет.

— Нашла, — сказала Лера. — Фургон свернул с набережной. Он едет к Управлению.

Илья не сразу ответил.

— Ты уверен, что Рудину можно доверять? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему ты в его подвале?

Ответа у него не было. Впереди находились чужая машина и, возможно, Алиса. Позади его ждали люди, которым приказали доставить красный объект в изолятор. Он выбрал то направление, где ещё мог что-то изменить.

— Отправь запись ещё кому-нибудь, — попросил Илья.

— Уже отправила редактору.

— Хорошо.

— Он спросил, почему я опять тебе верю.

— И что ты сказала?

Лера ответила после короткой паузы:

— Что на этот раз у меня есть видео.

Глава 6. Комната ноль-Б

За дверью работал вентилятор. Илья услышал его ещё до того, как увидел табличку: старый подшипник через равные промежутки издавал сухой скрежет. Таким же звуком когда-то сопровождалась ночь в больнице. Он спал на двух стульях у поста, просыпался от каждого движения медсестры и уговаривал себя, что пока вентилятор крутится, всё в порядке.

«0-Б», — прочитал он.

Под номером кто-то нацарапал на пластике: «17.04». Цифры были неглубокие, неровные. Последняя черта уходила на металлическую раму.

— Лера, проверь помещение ноль-Б.

— На плане архивная кладовая.

— В ней компьютеры.

— Ты уже вошёл?

Он толкнул дверь. Та оказалась не заперта.

Комната была узкой, без окон. Вдоль стены стояли три стойки оборудования, на столе — старый монитор и клавиатура с затёртыми буквами. Под столом лежал спальный мешок. Рядом две пустые бутылки воды и открытая пачка сухарей. Кто-то не просто включил законсервированный контур. Кто-то здесь жил.

Илья сфотографировал комнату от порога и только потом подошёл к столу.

На мониторе двигалось изображение двора. Камера смотрела на ворота, мусорные контейнеры и кирпичную стену старого корпуса. Серого фургона пока не было.

В правом углу экрана часы показывали 08:23.

— Шесть минут от её дома, — сказал он. — Должен быть здесь.

— Если не останавливался.

Связь стала рваться. Илья положил телефон на высокий шкаф, где индикатор показывал две полоски, и включил громкую связь.

На стене висел бумажный журнал. Последняя печатная запись сообщала о выводе оборудования из эксплуатации. Ниже синей ручкой кто-то написал: «Не выключать. Иначе пропадёт очередь».

Он поднёс телефон к надписи.

— Видишь?

— Вижу. Сними разворот целиком.

В памяти всплыл один из учебных курсов: система прогнозирования никогда не является единой программой. Это сотни сервисов, подрядчиков, медицинских модулей, старых и новых каналов связи. Их соединяют потому, что переделывать всё сразу слишком дорого. На экзамене нужно было выбрать ответ «многоуровневая архитектура повышает устойчивость».

Илья выбрал его и получил девяносто восемь баллов.

На старом мониторе появилось окно поверх камеры.

«СПИСОК / ЗАВТРА / ЧЕРНОВОЙ КОНТУР».

Ниже — несколько папок. Илья увидел знакомое имя: ALISA_N.

Он не прикоснулся к мышке сразу. В комнате было слишком тихо, если не считать вентилятора. Монитор ждал его, файл лежал на виду, дверь оказалась открытой. Каждая мелочь складывалась в приглашение.

— Это ловушка, — сказал он.

— Возможно.

— Но они знают, что я всё равно открою.

— Тогда сначала покажи мне, что открываешь.

Он поставил телефон так, чтобы камера видела экран, и щёлкнул по папке.

Терминал потребовал устройство опекуна.

Илья почувствовал, как вспотели ладони. На секунду исчезла боль в рёбрах, и он снова оказался в той комнате три года назад: пластмассовый стул, женщина в халате, его собственная подпись, слишком крупная на маленьком экране.

— Какая опека? — спросила Лера.

— Временное представительство. Когда Алиса была без сознания.

— Ты говорил, она попала на реабилитацию после инфекции.

— Сначала была инфекция.

— А потом?

Он открыл городской профиль сестры. Полное имя, дата рождения, адрес. Самостоятельные решения — без ограничений. Временное представительство прекращено 19 апреля 2023 года.

— Всё давно закрыто, — сказал он.

— Я не об этом спросила.

За дверью послышался скрип, и Илья обернулся. Никого. Воздух тянул из коридора, двигая незапертую дверь.

— Мне сказали, что это дополнительное наблюдение. Что у неё нестабильное состояние и обычное отделение не сможет...

Он запнулся. Лера молчала, и от этого было хуже, чем от вопросов.

— Они предлагали отказаться?

— Да.

— Что было бы после отказа?

— Её переводили обратно. В общую очередь.

— Ты боялся, что она не дожждётся помощи.

Он кивнул, забыв, что Лера не видит его лица.

— Да.

— А когда она пришла в себя, ты рассказал ей, на что согласился?

Илья посмотрел на папку ALISA_N.

— Не всё.

Монитор тихо пискнул. В окне камеры показался фургон. Он остановился перед воротами, подождал несколько секунд и въехал во двор. Водителя за бликом лобового стекла не было видно.

Илья схватил телефон.

— Приехал.

— Не выходи сразу. Сосчитай людей.

Из кабины выбрался мужчина в светлой куртке. Он обошёл машину и открыл боковую дверь. Второй появился со стороны старого корпуса. Между ними на мгновение мелькнул край серого шарфа.

Илья рванул к выходу, но боль согнула его пополам. Он упёрся ладонью в дверную раму и едва не выронил телефон.

— Что случилось? — спросила Лера.

— Ничего.

— Я слышу.

— Рёбра.

— Сядь на десять секунд.

— Они её уносят.

На экране мужчины выкатили узкую каталку. Илья не видел лица под капюшоном, только руку, свесившуюся с края. Один из сопровождающих поднял её и сунул под покрывало с будничной раздражённой человека, которому мешает плохо закреплённый груз.

Каталка исчезла за стеной.

Илья пошёл. Не побежал: бежать не получалось. У двери он услышал щелчок настенного динамика.

— Нестеров Илья Андреевич. Подтвердите получение списка на завтра.

Голос был женский, ровный. Он произносил слова чуть медленнее, чем современный городской помощник, с короткими паузами между фамилией и именем.

На мониторе появилось предписание: не приближаться к Нестеровой Алисе Андреевне.

— Почему? — спросил Илья вслух.

Ответ пришёл сразу:

— Контакт с ответственным лицом повышает вероятность неблагоприятного исхода.

— Она моя сестра.

— Родство учтено в модели.

Лера что-то сказала, но связь оборвалась. Илья остался один перед экраном, на котором его сестра уже исчезла из кадра, а машина всё ещё стояла с открытой дверью.

Внизу окна мигал запрос подписи. Удобная большая кнопка, такая же, какие он показывал людям во время обходов.

Илья не нажал её. Вернулся к телефону, включил запись и произнёс:

— Я не отказываюсь от помощи Алисе Нестеровой. Я требую указать, где она находится и кто отвечает за её состояние.

Терминал помолчал.

«Обращение не распознано».

— Зато запись останется, — сказал Илья.

Он поставил телефон в нагрудный карман камерой наружу и вышел во двор.

Глава 7. Старый двор

Холодный воздух ударил в лицо. После душного тоннеля Илья задышал глубже и тут же пожалел: боль прошла бок. Он остановился за мусорным контейнером, переждал и посмотрел на фургон.

Мужчин не было. Боковая дверь оставалась открытой. Двигатель работал вхолостую, время от времени захлёбываясь. На ветровом стекле лежала тряпка; под ней темнел прямо-угольник отключённого транспортного терминала.

До двери старого корпуса, за которой исчезла каталка, было метров пятнадцать.

Илья уже направился туда, когда из фургона донёсся стук.

Один раз. Потом ещё два, слабее.

Он замер.

— Алиса?

В кабине кто-то шевельнулся.

Илья отступил к стене, едва не споткнувшись о бордюр. Из-за водительского сиденья показалось лицо — круглое, бледное, с мелкими красными пятнами у носа. Мужчина поднял обе руки, показывая пустые ладони.

— Тихо. Я не с ними.

— Выходи.

— Я бы с удовольствием.

Правая рука мужчины была пристёгнута к основанию сиденья пластиковым креплением. Левой он держал запястье, стараясь не двигаться. Под курткой виднелась рубашка с логотипом транспортного подрядчика.

— Кто ты?

— Водитель. Денисов. Меня вызвали на подмену. Сказали, забрать оборудование, а там женщина...

— Где она?

— Увезли. Вы же видели.

Илья подёргал водительскую дверь. Она открылась. В кабине пахло кофе из термокружки и дешёвым освежителем. На коврик валялись водительские очки с отломанной дужкой.

— Почему тебя связали?

— Потому что я начал спрашивать. А вы кто?

Илья не ответил. Осмотрел крепление, не нашёл, чем его разрезать, и достал карту Рудина — глупое, бесполезное движение. Мужчина увидел красный экран телефона у него в кармане и побледнел ещё сильнее.

— Это из-за вас, да? Мне про вас пришло. Я никуда не поеду.

— Ты уже приехал.

Из-за двери технического перехода появился Рудин. В руке он держал не оружие, а небольшой медицинский пакет, который, видимо, всё-таки забрал наверху.

— Отойди от машины.

Водитель заговорил сразу, сбиваясь и повторяя, что ничего не знал. Майор потребовал имя, номер заявки, время прибытия. Потом выслушал ответ и разрезал крепление складным инструментом.

Илья с трудом удержался от вопроса, почему Рудин так долго. Прошло всего несколько минут. В эти минуты майор успел обмануть собственных людей и спуститься сюда. Но от этого Алиса не становилась ближе.

— Позвони жене, — сказал Рудин водителю. — Скажи, где ты. Затем жди здесь медицинскую бригаду.

— Меня задержат?

— Я записал, что тебя удерживали силой. Не уходи и ничего не трогай.

Мужчина посмотрел на Илью и поспешно отвёл глаза. Майор заметил.

— Его тоже не трогай. Он не заразный.

В задней части фургона стоял длинный белый контейнер на колёсной раме. Илья видел такие в старом медицинском корпусе. Перевозочные капсулы: утеплённая оболочка, автономный монитор, ремни, чтобы удерживать человека при движении. На современных машинах их заменили обычными каталками с открытыми бортами.

На крышке под слоем грязи проступала наклейка ALISA_N.

Илья провёл по ней пальцем.

— Её привезли в этом?

Водитель кивнул.

— Там что-то пицало всю дорогу. Я говорил, у меня нет сопровождающего медика. Они сказали, уже согласовано.

— Кто они?

— Двое. Один показал пропуск. Я не запомнил фамилию.

— Пропуск остался в журнале заявки?

— Наверное.

Рудин записал номер рейса. Илья тем временем нашёл боковое смотровое окно капсулы. За мутным пластиком виднелись серая подкладка и ремень. По внутренней поверхности стекали капли.

Он потянул крышку. Та не поддавалась.

На маленьком экране загорелось: «Ожидание опекуна».

— Не надо, — сказал Рудин.

Илья посмотрел на него.

— Её уже вынесли. Ты видел сам.

— А если там ещё кто-то?

Рудин посветил через окно с другой стороны. Внутри ничего не двигалось. Подкладка была сдвинута к изголовью, и складка ткани издалека могла показаться плечом.

— Проверим после.

— После чего?

— После того, как найдём твою сестру. Ты за ней пришёл или за коробкой?

Это было справедливо и оттого разозлило сильнее. Илья сунул телефон к считывателю.

Экран капсулы отозвался коротким писком.

«Нестеров И. А. Архивное право подтверждено. Принять объект?»

Он не ожидал, что сработает. Рука застыла над кнопкой.

Рудин перехватил его запястье.

— Не подписывай.

— Может, это просто открывает крышку.

— Может. А может, подтверждает, что тебе передали здорового человека и претензий у тебя нет. Ты дочитал?

Илья попытался прокрутить текст. Условие приёма открылось отдельным окном: состояние объекта соответствует прогнозу; принимающее лицо берёт на себя последствия отклонений после передачи.

Ни слова о том, где Алиса. Ни одного медицинского показателя.

Он убрал телефон.

Водитель курил у переднего колеса. Пальцы дрожали так сильно, что зажигалка стучала о ноготь.

— Они всё время говорили, что это законно, — произнёс он, ни к кому не обращаясь.
— Я же не могу каждую бумагу проверять.

Илья вдруг услышал в этих словах собственный голос. Другие обстоятельства, другая должность, та же просьба не заставлять его смотреть дальше своей части работы.

— Можете, — сказал Рудин. — Но в следующий раз. Сейчас назовите, куда они пошли. Водитель показал на дверь корпуса.

— Туда. Короткий попросил ключ. У него не сработало.

— Какой ключ?

Мужчина достал связку.

— Нам выдают. Для старых въездов. Он сказал, что вернёт, потом бросил на сиденье.

Рудин взял связку через салфетку. Отделил плоский ключ с номером восемнадцать.

Илья заметил на асфальте шарф.

Серый, мокрый с одного края. Он лежал между дверью и следом колеса, почти сливаясь с землёй. Илья поднял его. На ткани остался тот самый сладковатый запах шампуня, который Алиса покупала годами и называла «самым скучным в мире».

Водитель отвернулся.

Майор ничего не сказал. Только подошёл к двери и вставил ключ в замок.

За стеной раздался быстрый топот. Потом что-то тяжёлое ударилось о пол.

Рудин повернул ключ. Илья вошёл следом, стиснув шарф в руке.

Глава 8. Опекун

За дверью оказался не медицинский блок, а склад. Металлические стеллажи, пустые коробки, разбитое кресло на боку. Вдоль дальней стены шла свежая полоса от колёс. Она обрывалась у двери, на которой мелом написали «0-С».

Рудин остановил Илью ладонью в грудь.

— Подожди.

Майор приоткрыл дверь на несколько сантиметров и прислушался. С той стороны работал насос. Человеческих голосов не было.

— Алиса! — крикнул Илья.

Тишина.

Он шагнул вперёд, и Рудин удержал его за куртку.

— Хочешь, чтобы они нас обоих положили рядом?

— А чего ты ждёшь?

— Чтобы понять, сколько там людей.

Майор достал телефон и набрал короткий номер. Илья слышал только его половину разговора: старый двор, возможное незаконное удержание, один человек уже обнаружен, требуются двое сотрудников без подключения автоматического маршрута. После паузы Рудин повторил адрес медленнее, будто разговаривал с плохо слышащим родственником.

— Нет. Красный объект сейчас под моим контролем.

Он убрал телефон.

— Двое идут. Три минуты.

— За три минуты её увезут.

— С другой стороны нет выхода.

— На плане вообще этой комнаты нет.

Рудин посмотрел на меловую надпись. Впервые за утро он не нашёл короткого ответа.

Илья достал телефон, открыл архив представительства и нашёл документ, который подпisał три года назад. Шесть страниц мелкого текста. На первой — согласие на временное принятие медицинских решений в период, когда пациент не способен выразить волю. На второй — участие в программе наблюдения. На третьей — приложение о прогнозировании.

Тогда он прочитал первую.

Женщина в халате сказала: остальные страницы технические. Подпись одна на весь пакет, так устроена форма. Его никто не держал за руку. Ему дали время — меньше минуты, но дали. Он мог спросить. Мог позвонить знакомому врачу. Мог хотя бы попытаться.

На пятой странице стояло: «Отложенные мероприятия продолжаются до закрытия индивидуального исследовательского профиля».

Городское представительство завершилось 19 апреля. Исследовательский профиль Алисы не закрыли.

— Вот почему капсула меня узнала, — сказал Илья.

Рудин прочитал абзац.

— Это не даёт им права удерживать её сейчас.

— А замку даёт.

— Замок не суд.

— Пока ты ждёшь суд, он держит дверь.

За ней щёлкнуло реле. Илья перестал дышать, пытаясь расслышать шаги. В ответ пришёл только неровный писк монитора.

Телефон поймал сеть. Лера заговорила сразу, как будто всё это время стояла рядом и ждала, когда её заметят.

— Где вы?

— У комнаты. Она, кажется, внутри.

— Рудин с тобой?

— Да.

— Дай его.

Илья включил громкую связь.

— Майор, я веду запись. Назовите, пожалуйста, ваше полное имя и основание нахождения в старом медицинском блоке.

Рудин усмехнулся без радости.

— Котова, ты сейчас серьёзно?

— Очень. Мне нужно, чтобы через час вы не сказали, что Нестеров проник сюда один. Майор посмотрел на Илью. Тот не отвёл глаз.

Рудин назвал имя, звание и время. Сказал, что сопровождает Нестерова при проверке сведений о возможном похищении его сестры. Помедлил и добавил:

— Передвижение санкционировал я.

— Спасибо, — сказала Лера.

В дверь склада постучали условно: два коротких, один длинный. Рудин открыл. Пришёл только один сотрудник, молодой, с мокрыми волосами и планшетом под мышкой.

— Второго отозвали, — сказал он. — Там руководство требует вас наверх. Где красный? Илья стоял в трёх шагах от него.

Сотрудник заметил повязку, телефон, шарф в руке. Взгляд задержался на лице, потом переместился на Рудина.

— Мне приказано доставить его в центральный блок.

— После осмотра комнаты.

— Товарищ майор, приказ подтверждён.

— И мой тоже. Оставайся у этой двери. Никого не впускай и не выпускай. Особенно людей в медицинских куртках.

Парень хотел возразить, но Рудин уже отвернулся. Он снял кобуру с фиксатора, не вынимая оружия, и ещё раз заглянул в щель.

— Я вхожу первым. Ты ждёшь, пока скажу.

Илья кивнул слишком быстро. Майор заметил.

— Нестеров. Я не для порядка говорю. Мне нужно, чтобы ты сделал именно это.

— Сделаю.

Рудин толкнул дверь.

Комната была пуста. По крайней мере, так показалось Илье с порога. Узкая койка у стены, стойка с монитором, два стула. На полу лежало покрывало, которое он видел на каталке. В дальнем углу шевельнулась тень.

— Алиса?

Рудин включил верхний свет.

Она сидела за стойкой, в низком кресле, наклонив голову к плечу. Руки были пристёгнуты к подлокотникам белыми медицинскими петлями. На ногах — больничные бахилы поверх носков. Левый носок съехал с пятки.

У Ильи задрожали колени. Он успел представить многое за последние полчаса, но сейчас увидел сестру целиком и не смог сделать шаг.

— Нестеров, — сказал Рудин. — Входи.

Алиса подняла голову. Медленно, будто свет был слишком тяжёлым. Посмотрела на брата и снова опустила глаза.

— Почему так долго?

Голос был почти обычный. От этого Илья едва не разрыдался.

Он подошёл к креслу, но на настенном экране вспыхнуло предупреждение. Тот же женский голос потребовал не вступать в контакт с пациентом до согласования.

Илья замер на расстоянии вытянутой руки.

Алиса это увидела. Посмотрела сначала на экран, потом на него, и на её лице появилось выражение, которое он помнил по больнице: усталое ожидание чужого решения.

— Ремень снимите, — сказала она.

Рудин наклонился к замку на левом подлокотнике. Илья — к правому. Вдвоём они растегнули петли меньше чем за минуту.

Алиса прижала руки к груди. На запястьях остались широкие красные полосы.

— Кто тебя привёз? — спросил майор.

— Подождите, — сказал Илья. — Дай ей...

— Я могу говорить.

Он замолчал.

Алиса посмотрела прямо на Рудина.

— Я вас помню, — сказала она.

Глава 9. Живой человек

Рудин не отвёл глаз.

— Откуда?

— Из той больницы. У вас тогда не было седины здесь.

Алиса коснулась виска и поморщилась: под пальцами оказался круглый датчик. Она попыталась отлепить его, но рука дрожала. Илья потянулся помочь.

— Можно?

Она кивнула.

Он осторожно снял пластырь. Монитор подал тревожный сигнал. Рудин выключил звук, но оставил экран работающим.

— Ты можешь встать? — спросил Илья.

— Не знаю.

— Давай попробуем.

— Сначала воды.

На столике стоял закрытый стакан, но Рудин его забрал.

— Принесу другую.

Майор вышел в склад, оставив дверь открытой. Илья опустился на корточки перед сестрой. Снизу были особенно заметны синяк под скулой и засохшая кровь у ноздри. Он смотрел на эти следы и не узнавал день, который начался с кофе и сообщения про полку.

— Тебя били?

— Я ударилась в машине.

— Кто?

— Илья, я сказала: ударилась. Не всё, что со мной происходит, кто-то делает специально.

Она закрыла глаза. Он испугался, что теряет её, и взял за руку. Пальцы оказались холодными, но сразу сжали его ладонь.

— Я здесь, — сказал он.

— Вижу.

— Я тебя заберу.

Алиса открыла глаза.

— Куда?

Он не подумал об этом. Дом казался невозможным: туда уже вошли люди, которых никто не остановил. Управление было вокруг них. В больнице три года назад началось всё, что теперь вернулось.

— Сначала выйдем, — ответил он.

— Хорошо. Только не в капсулу.

Рудин принёс бутылку воды. Алиса сделала два маленьких глотка. Сотрудник у входа всё время смотрел на планшет, словно боялся пропустить команду, которая объяснит происходящее.

— Что тебе вводили? — спросил майор.

— Не знаю. Один держал руку. Другой сказал, что я сопротивляюсь рекомендованной госпитализации.

— Документ показывали?

— Да. С подписью Ильи.

Илья почувствовал, как сестра отпускает его пальцы.

— Я сегодня ничего не подписывал.

— Там старая подпись. Я поняла.

В этом «я поняла» не было облегчения. Она узнала подпись раньше, чем он успел её оправдать.

Рудин опустил бутылку на стол.

— Мужчина, который пришёл первым. Ты его знала?

Алиса задумалась. Было видно, как трудно ей собирать последовательность.

— Он назвался Павлом. Сказал, работал в отделении. Я не сразу вспомнила. Показал след на руке и фотографию. На фотографии была Мария Сергеевна.

— Кудрина? — спросила Лера из телефона.

Алиса вздрогнула.

— Кто это?

— Лера. Помнишь?

— Помню. Убери камеру.

Илья тут же вынул телефон из кармана и положил экраном вниз.

— Уже. Она только слышит.

— Я не записываю тебя, — сказала Лера. — Общую запись остановила. Можно я задам один вопрос?

Алиса кивнула, затем поняла, что этого не видно.

— Можно.

— Он сказал, зачем пришёл?

— Что сегодня нас снова соберут. Тех, кто остался. Что нужно уйти из дома раньше восьми. Я спросила, откуда он знает мой адрес. Он показал список. Там был брат.

— Красный список? — спросил Илья.

— Обычный. Распечатанный. Он хотел, чтобы я взяла документы и вышла с ним. Я не пошла. Позвонила тебе.

Илья проверил пропущенные. В 07:49 был вызов от Алисы. Он помнил эту вибрацию: стоял на проходной, предъявлял пропуск и нажал «отклонить», собираясь перезвонить после кофе.

— Я видел, — сказал он.

— Потом пришли двое. Павел сказал, чтобы я закрылась в ванной. Я услышала удар. Когда вышла, он лежал у дивана.

— Он был жив?

— Не знаю. Мне не дали подойти.

Рудин набрал номер сотрудника, направленного в квартиру, и потребовал проверить комнату, балкон, все подсобные помещения. Уже без заявки, без выбора основания. Просто сказал голосом: там может быть раненый человек, нужно войти сейчас.

Алиса слушала, обхватив себя за плечи. Илья развернул шарф и положил ей на колени.

— Нашёл во дворе.

Она провела большим пальцем по влажному краю.

— Спасибо.

Ему захотелось обнять её. Спрятать лицо у неё на плече, как будто он младший и это она должна объяснить, что всё кончилось. Вместо этого он спросил:

— Почему ты сказала, что помнишь Рудина?

Майор убрал телефон, но не вмешался.

— Он был у дверей в ночь перевода. Я просила позвонить тебе. Он сказал, что ты обо всём знаешь.

Илья поднялся слишком резко. Комната качнулась, боль ударила под рёбра, но он удержался на ногах.

— Ты был там?

— Да, — сказал Рудин.

— Почему не сказал?

— Сейчас нам нужно её вывезти.

— Почему не сказал?

У входа молодой сотрудник шагнул внутрь. Рудин остановил его жестом.

— Потому что я не знал, сколько она помнит.

Илья разжал пальцы. Спросить ещё раз не получилось.

Алиса потянула брата за рукав.

— Потом. Мне плохо.

Илья посмотрел на неё и заставил себя отступить. Рудин уже вызывал медицинскую помощь по служебному каналу. На этот раз ему ответили сразу.

Кресло оказалось на колёсах. Майор нашёл тормоза, Илья проверил, не тянутся ли к сестре провода. Алиса сама сняла с пальца последний датчик и положила на подлокотник.

На стенном экране всплыло уведомление: «Пациент отсутствует».

Она прочитала его, затем повернулась к брату.

— Если опять спросят, живая ли я, не показывай им эту штуку. Спроси меня.

— Хорошо.

— Ты сейчас согласился, чтобы я перестала говорить?

Он помолчал.

— Нет. Но раньше бывало.

Алиса впервые за всё время посмотрела на него без настороженности. Ненадолго.

Когда они выкатили кресло в склад, сотрудник у входа поднял планшет.

— Товарищ майор, приказ изменился. Нестерову Алису Андреевну нельзя выводить из медицинского контура.

Рудин остановился.

— Кто отдал?

— Дирекция программы. Подтверждение личное.

На экране под приказом стояла фамилия: Громов В. С.

Глава 10. Чужая подпись

Илья видел Громова дважды. Первый раз на открытии городской программы, когда сотрудники Управления стояли в зале и аплодировали обещанию сократить число предотвратимых смертей. Второй — в учебном фильме. Директор сидел за простым столом без флага и говорил, что главная обязанность технологии — дать человеку время для решения.

Теперь его подпись стояла под запретом выпустить Алису из подвала.

— Покажи полностью, — сказал Рудин.

Сотрудник повернул планшет. Основанием значилось участие в действующем исследовательском протоколе. Ответственное лицо — Нестеров Илья Андреевич. Согласие подтверждено архивной подписью.

— Мне двадцать четыре, — сказала Алиса. — Я могу сама решать.

Парень посмотрел на неё, потом на майора.

— Здесь другое.

— Здесь ошибка, — сказал Илья.

— Тогда надо подать возражение.

Илья шагнул к нему, но Рудин встал между ними.

— Фамилия?

— Малышев. Вы же...

— Малышев, перед тобой человек в сознании. Она говорит, что не согласна находиться здесь. В помещении нет врача. Есть следы удержания. Я это зафиксировал. Сейчас ты дашь нам пройти.

Парень сглотнул.

— У меня приказ.

— У тебя два приказа. Выбирай мой. Ответственность записывай на меня.

Малышев не двинулся. Он был моложе Ильи лет на десять, и вдруг стало ясно, насколько трудно ему сделать этот шаг: отказаться от подписи директора в пользу майора, который почему-то стоит рядом с красным человеком и девушкой без браслета.

Алиса подняла руку.

— Можно мне самой сказать на вашу камеру?

Малышев моргнул.

— Что?

— Что я хочу выйти. Чтобы вы потом могли показать.

Она произнесла полное имя, дату рождения и просьбу доставить её в обычную больницу. На слове «обычную» голос сорвался. Она начала фразу заново и закончила ровно.

Малышев сохранил запись. Отступил к стене.

— Я отправлю это вместе с рапортом.

— Отправь, — сказал Рудин.

Пока они катили кресло через двор, Лера сообщила, что направляется к редакции. Там можно сохранить материалы на независимом оборудовании и встретить юриста. Илья хотел сказать, что сначала больница, но Алиса опередила его:

— В какую?

Рудин назвал ведомственный медицинский центр.

— Нет.

— Там есть всё необходимое.

— В прошлый раз тоже было.

Майор не стал спорить. Позвонил повторно и запросил городскую бригаду. Диспетчер сообщил, что на территории Управления помощь оказывает ведомственная служба, а переадресация возможна после первичного осмотра.

Илья присел рядом с креслом.

— Тебе нужен врач.

— Я знаю.

— Мы можем сейчас потерять время.

— Я уже потеряла три года, пока вы решали, какой врач мне нужен.

Он отступил. Хотел возразить, что она училась, работала, ездила к морю, что не все три года были потеряны. Но это снова означало бы объяснять сестре её собственную жизнь.

Из технического перехода вышла женщина с медицинской сумкой. Лет сорока, короткие волосы, на щеке след от маски. Она остановилась, увидев Алису, и посмотрела на Рудина.

— Мне сказали, мужчина после взрыва.

— Двое пострадавших. Начни с неё.

Женщина поставила сумку на землю и присела так, чтобы оказаться на уровне глаз Алисы.

— Меня зовут Нина. Я фельдшер. Вы понимаете, где находитесь?

— В Управлении. Я хочу уехать.

— Хорошо. Сначала я посмотрю, насколько вам безопасно ехать. Можно?

Алиса разрешила. Нина не спрашивала у Ильи ни подписи, ни фамилии. Осмотрела сестру, выслушала рассказ об уколе, уточнила время и всё записала в бумажный блокнот, когда служебный терминал отказался открыть карточку.

— Почему на бумаге? — спросил Илья.

— Потому что мне нужно помнить, что я увидела. Карточку разберём потом.

Он посмотрел на её руки: короткие ногти, старое кольцо, небольшой ожог возле большого пальца. Никакого героизма в движениях не было. Обычный человек на работе делал то, для чего пришёл.

Нина сказала, что нужна больница с приёмным отделением и наблюдением. Не через несколько часов. Сейчас.

— От ведомственной отказывается, — сообщил Рудин.

— Слышала. Значит, оформляйте городскую.

— Они не принимают вызов отсюда.

Нина подняла на него глаза.

— Тогда вывезите за ворота. Она же у вас не задержана?

Майор ответил не сразу.

Водитель фургона всё ещё стоял у кабины, теперь без сигареты. Когда Рудин спросил, заведётся ли машина, тот молча показал на работающий двигатель.

— Капсулу выгружаем, — сказал майор. — Поедет в кресле, с медиком. До ближайшего места, где городская бригада примет вызов.

— Я эту машину больше не поведу, — сказал водитель.

Рудин не стал давить. Снял с него ключи, повернулся к Илье.

— Ты умеешь?

— Да.

Нина посмотрела на повязку и качнула головой.

— Он после удара и с травмой грудной клетки. За руль нельзя.

Майор выругался, но негромко. Снял служебную куртку, бросил на переднее сиденье и сам сел за руль.

Капсулу оставили во дворе, под камерой. Малышев записал серийный номер и вызвал криминалиста. Илья помог закрепить кресло в освободившемся отсеке. Каждый наклон давался с трудом, и Нина дважды заставила его остановиться. Алиса смотрела на них молча.

Перед выездом ворота закрылись.

Рудин нажал кнопку вызова охраны. Ему ответили через минуту:

— Выпуск транспорта временно приостановлен.

— Медицинская перевозка. Двое пострадавших.

— Вижу. Приостановлена именно ваша.

Майор вышел из кабины. Илья через боковое окно увидел, как он подошёл к будке и начал говорить с человеком внутри. Сначала спокойно, потом резче. Охранник показывал ему что-то на экране и разводил руками.

Телефон Ильи завибрировал.

Новое сообщение пришло без номера отправителя: «Вы уже подтвердили принятие последствий. До завершения срока — 15 часов 11 минут».

Он повернул экран от сестры. Но Алиса успела увидеть его лицо.

— Что там?

— Потом покажу.

— Илья.

Он помедлил и протянул телефон.

Она прочитала требование умереть до полуночи. Очень медленно вернула устройство, будто боялась нечаянно нажать на кнопку.

— Даже не думай, — сказала она.

— Я и не...

— Я тебя знаю. Ты сейчас решишь, что должен всё исправить один. А потом мне снова скажут, что это для моего блага.

Снаружи загрохотал механизм ворот. Рудин вернулся за руль. У него дрожала челюсть; на планшете охранника осталась запись, которую майор подписал лично.

Фургон выехал на улицу.

Илья держал телефон двумя руками. До этого требование на экране казалось угрозой неизвестного врага. Теперь он впервые понял, что оно делает с Алисой: превращает её жизнь в причину, по которой брату предлагают умереть.

— Я не буду этого делать, — сказал он.

Она посмотрела ему в глаза.

— Тогда ищи другой способ.

Глава 11. Безопасный маршрут

Первый перекрёсток они проехали нормально. На втором транспортный экран в кабине ожил и потребовал остановиться у правого края дороги.

Рудин не остановился.

— Что там? — спросил Илья.

— Проверка рейса.

Майор говорил, глядя прямо перед собой. Машины впереди начали перестраиваться, освобождая полосу. Через секунду Илья понял: полосу освобождали не им. В конце улицы стоял служебный автомобиль поперёк проезжей части.

Рудин свернул во двор.

Кресло дёрнулось на креплениях. Алиса зажмурилась, Нина придержала её за плечо.

— Так больше не надо, — сказала она.

— Я стараюсь.

— Мне безразлично, что вы стараетесь. У меня пациент.

Майор сбросил скорость. За окнами проплыли мусорные баки, бельё на застеклённых балконах, мужчина с маленькой собакой. Собака бросилась к колесу с таким яростным лаем, словно точно знала, кто виноват во всех городских бедах.

Алиса тихо рассмеялась и сразу закашлялась.

— Что? — спросил Илья.

— У неё хотя бы понятная причина.

Нина посмотрела на часы. Было 08:54.

Диспетчер городской скорой принял новый адрес, но свободной бригады рядом не оказалось. Ближайшая завершала вызов в двух кварталах от редакции «Городской линии». Лера предложила встретиться у них: подъезд с улицы, широкий холл, охранник, электричество, люди. Нина согласилась только после того, как диспетчер подтвердил, что бригада подъедет туда быстрее, чем они сами доберутся до больницы.

— Десять минут, — сказала она Рудину. — Потом я повторно вызываю на другой адрес. Прятаться с больной я не буду.

— Мы не прячемся.

— Тогда почему едем по дворам?

Майор промолчал.

Илья смотрел на сестру. Она сидела с закрытыми глазами, но каждый раз, когда фургон замедлялся, пальцы сжимались на подлокотнике. Он подложил свёрнутую куртку ей под локоть, заранее спросив. Алиса позволила.

Его служебный браслет завибрировал. На узкой полоске появились три слова: «Не препятствуйте сопровождению».

Илья снял браслет. Устройство пискнуло громче. Он положил его на пол.

— Не поможет, — сказал Рудин. — Машина видна.

— Мне мешает.

Майор кивнул и больше не спорил.

Лера прислала фотографию редакционного входа. Стеклопакетные двери, вывеска, мужчина в форменной рубашке за стойкой. Он поднял руку в камеру. Илья знал его: Сергей Кравцов, бывший пожарный. Когда Илья ещё приходил за Лерой вечерами, Кравцов каждый раз спрашивал, почему городской прогноз умеет определять пожары на сутки вперёд, но не может починить автомат с газировкой в холле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.